

В. ГОРОДИНСКИЙ

Незабываемый вечер

Кому довелось в понедельник, 22 октября, побывать на творческом вечере В. И. Качалова в Доме актера Всероссийского театрального общества, тот должен считать себя счастливым. Ибо даже в нашей, богатой событиями художественной жизни не часто бывают вечера, о которых можно сказать, что их содержанием явилась сама поэзия, олицетворенная замечательным артистом.

Публика поднялась со своих мест, когда на эстраду вышел Качалов, и пока длилась овация, мы жадно всматривались в черты лица, почти полвека знакомые всей русской интеллигенции. Красавец-человек! Качалову по праву могут быть адресованы эти слова, некогда сказанные Горьким о Станиславском. Неумолимое время, посеребрившее прекрасную голову великого художника, оказалось бессильным уничтожить гармоническую красоту, составляющую коренное, неотчуждаемое свойство этой удивительной натуры.

Стократ был прав С. Михоэлс, в приветственной речи, сказанной на этом вечере (стихийно превратившемся в чествование любимого артиста), назвав Качалова «аристократом духа, одним из самых блистательных представителей русского интеллекта». Аристократизм ума и таланта в высшей степени присущ Качалову, как присущ он всем замечательным русским художникам — от Ломоносова до Блока и от Мочалова до Станиславского. И одним из важнейших проявлений этого духовного аристократизма является не изощренность мастерства, сама по себе еще не составляющая истинного артистизма, но тончайшая изысканность, совершенное благородство стиля, то, что прежде всего и с наибольшей полнотой характеризует творчество Качалова.

Василий Иванович принадлежит к той редчайшей категории художников, личность которых абсолютно неотделима от их творчества и которые уже самым фактом своего существования подтверждают верность известного афоризма — «стиль — это человек». Когда после минутного раздумья Качалов начал знаменитый монолог Пимена, зал, казалось, обратился в слух и внимание. Божественная красота пушкинского стиха, философская мудрость летописца, под черной монашеской рясой скрывшего все еще пламенеющие страсти, глубокий образ человека, сменившего бурную жизнь бойца на аскетическое служение исторической правде, — все это возродилось в устах чтеца. Вероятно, можно было бы написать исследование о том, как Качалов читает Пушкина. Одно верно — услышав в чтении Качалова, напри-

мер, пушкинского «Пророка», уже не перестаешь слышать голос артиста всякий раз, когда перечитываешь это произведение. Качаловскую интерпретацию «Пророка» можно считать идеальной. Откуда-то из великого отдаления является нам суровый образ библейского Исаяи, все яснее, все рельефнее вырисовывается облик гневного пророка, которому дал новую и вечную жизнь Пушкин. Голос чтеца крепнет, становится все сильнее и, наконец, ударом колокола в притихшем зале гремит страстный призыв: «Встань, пророк, и виждь, и внемли».

Думается, что не было в зале человека, который не ощутил бы в этот момент особого, трепетного чувства, заставляющего учащенно биться сердце, чувства, которое трудно или даже невозможно объяснить словами, так же, как невозможно подчас передать словами впечатление от слушания музыки.

Впрочем, если уж стремиться к наивозможно полной характеристике чтения Качалова, то необходимо подчеркнуть его исключительную музыкальность. По превосходному определению Н. Озерова, выступавшего на чествовании, Качалов является выдающимся вокалистом. Это парадокс только на первый взгляд. Декламация Качалова интонирована так разнообразно, голос его так чарующе красив, так богат тембровыми красками, что его мелодическим свойствам могут позавидовать самые знаменитые певцы. Не приходится говорить, как это важно для чтения, в особенности Пушкина, самого музыкального из всех мировых поэтов. Любой из нас с детства знает наизусть вошедшее во все хрестоматии пушкинское стихотворение «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет»), но в исполнении Качалова его слушаешь как новое, еще нечитанное, ибо в интимно-лирическом складе этих стихов Качалов находит еще неизведанное музыкальное содержание.

Мы не пытаемся здесь дать подробный отчет о творческом вечере 22 октября. Блока и Маяковского Качалов читал так же замечательно, как Пушкина. Заметим лишь вскользь, что нашим молодым чтецам весьма поучительно было бы прислушаться к истолкованию Качаловым поэзии Маяковского и в особенности его лирики. Многие эстрадные чтецы пребывают в убеждении, что Маяковского непременно надо читать как можно громче... Смеем думать, что это глубочайшее заблуждение и что чтение стихов советского классического поэта должно быть так же богато нюансами, как чтение стихов всякого другого русского классика.